Автор: admin
02.07.2010 09:47 -

II

Результаты ассимиляции бессознательного: основные феномены

Процесс ассимилирования бессознательного приводит к примечательным явлениям. У одних пациентов он вызывает бросающийся в глаза и часто неприятный рост самоуверенности самомнения: они всецело поглощены собой, все знают, мнят себя полностью осведомленными в том, что касается их бессознательного, и убеждены, будто понимают абсолютно все, что выходит из его глубин. В каждой беседе с врачом они все больше и больше вырастают в своих глазах. Другие, напротив, чувствуют себя все более и более подавленными содержаниями бессознательного, теряют уверенность в себе и с тупым безраз-личием взирают на те необычные штуки, которые выкидывает бессознательное. Первые, переполняемые чувством собственной значительности, берут на себя ответственность за бессознательное, превышающую все разумные границы; вторые окончательно от-казываются от какой бы то ни было ответственности, измученные ощущением бессилия эго перед судьбой, управляющей через посредство бессознательного.

Если мы глубже проанализируем эти два способа реагирования, то обнаружим, что за оптимистической самоуверенностью первых кроется глубокое чувство бессилия, в отношении которого их сознательный оптимизм действует как безуспешная компенсация. И, напротив, пессимистическое смирение вторых маскирует дерз-кую волю к власти, далеко превосходящую в самоуверенности сознательный оптимизм первых.

Этими двумя способами реагирования я обрисовал только две грубые крайности. Более тонкие оттенки, вероятно, обладали бы большей жизненной правдой. Как я уже говорил в другом месте, всякий, кто подвергается анализу, начинает бессознательно злоупотреблять недавно полученными знаниями в интересах своей анормальной, невротической установки, пока он, на ранних стадиях анализа, еще не освободился от своих симптомов на-столько, чтобы можно было обойтись без дальнейшего лечения. Весьма важным способствующим этому фактором оказывается то обстоятельство, что на ранних стадиях анализа все понимается еще на объективном уровне, то есть без различения образа (imago) (Этот термин («imago») был занят психоанализом, однако в аналити-ческой психологии его в значительной степени заменили термины «изначальный образ родителя» или «родительский архетип». — Ред.
*The
Collected
Works
.*

) и объекта, так что все приписывается непосредственно объекту. Отсюда, тот, для кого «другие люди» являются объектами первостепенной важности, из любого знания о себе, которое ему доведется усвоить на этой стадии анализа, сделает вывод: «Ага, так вот что, оказывается, представляют собой другие люди!» Поэтому он будет считать своим долгом просветить на сей счет всех остальных, в зависимости от характера, сохраняя при этом терпимость или ведя войну без пощады со всем миром. Другой же, ощущающий себя в большей степени объектом своих ближ-них, нежели их субъектом, будет тяготиться этими знаниями о себе и, соответственно, впадет в уныние. (Я, естественно, веду речь не о тех многочисленных и более поверхностных натурах, которых эти проблемы почти не затрагивают.) В обоих случаях отношение к объекту усиливается: в первом случае — в активном, во втором случае — в реактивном смысле. Заметно выделяется коллективный элемент. Один расширяет сферу своего действия, другой — сферу своего страдания.

Адлер воспользовался термином «богоподобие» для характе-ристики некоторых основных черт невротической психологии власти. И если я тоже заимствую это же выражение из «Фауста» Гете, то использую его здесь скорее в смысле той хорошо известной сцены, где Мефистофель пишет в альбом ученику: «Eritis sicut Deus, scientes bonum
et
malum
» («И будете, как Бог, знать добро и зло»
(лат.)
[Ср. «...и вы будете. как боги, знающие добро н зло». (Быт. 3:8)]. —
Прим. пер.
), а в сторону добавляет:

Следуй лишь этим словам да змее, моей тетке, покорно:

Божье подобье свое растеряешь ты, друг мой, бесспорно!

(Гете И.-О. *Фауст.* Часть **I,** сц. 4. [Все цитаты из «Фауста» даются. Если не оговорено особо, п пер. Н. Холодковского.])

Богоподобие явно относится к знанию — знанию добра и зла. Анализ и сознательное понимание (conscious realization) бессознательных содержаний порождают в известной

мере само-довольную терпимость, благодаря которой могут приниматься Даже неудобоваримые порции своей бессознательной характеро-логии. Эта терпимость может выглядеть весьма мудрой и незаурядной, но на деле часто оказывается не более чем широким жестом, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Две сферы, которые до этого боязливо оберегались от встречи друг с другом, оказались теперь сведенными вместе. После преодо-ления значительного сопротивления достигается единство про-тивоположностей, по крайней мере, с виду. Более полное пони-мание, совмещение того, что прежде было разделено, и, отсюда, видимое преодоление морального конфликта дают начало чувству превосходства, которое вполне можно передать термином «богоподобие». Но это же самое совмещение добра и зла может совершенно иначе подействовать на представителей различных темпераментов. Не каждый почувствует себя сверхчеловеком, держа в руках весы добра и зла. Кто-то может ощутить себя беспомощным существом, оказавшимся на перепутье, а скорее потерявшим управление кораблем, зажатым между Сциллой и Харибдой. Ибо, сам того не ведая, он попадает, возможно, в самый продолжительный и самый древний из человеческих кон-фликтов, испытывая муки, вызываемые коллизией вечных начал. Вполне возможно, что он почувствует себя Прометеем, прико-ванным к скале на Кавказе, или просто распятым на кресте. Вероятно, это и будет «богоподобием» в страдании. Разумеется, богоподобие — не научное понятие, хотя оно весьма удачно характеризует обсуждаемое здесь психологическое состояние. Я даже не уверен в том, что каждый читатель сразу схватит своеобразие душевного состояния, подразумеваемого этим словом. И к тому же оно принадлежит исключительно сфере беллетри-стики. Поэтому, с моей стороны было бы благоразумнее дать более точное и полное описание этого состояния. Итак, инсайт и понимание, приобретаемые пациентом в ходе анализа, обычно открывают ему много из того, что ранее было бессознательным. Как и следовало ожидать, он прилагает эти знания к своему окружению; в результате он видит, — или думает, что видит, -множество вещей, бывших до этого незримыми. Так как его знания оказались полезными для него, он с готовностью допу-скает, что они могли бы оказаться полезными и для других. Так он может стать самонадеянным, и хотя за этим, возможно, стоят добрые, намерения, тем не менее, подобная самонадеянность раздражает других людей. У него появляется такое чувство, как если бы он обладал ключом, подходящим ко многим, если не ко всем дверям. Впрочем, самому психоанализу свойственна та же льстящая самолюбию неосознанность своих ограничений, что ясно видно по его манере влезать в сферу искусства.

Поскольку человеческая натура состоит не только из светлых, но изобилует и теневыми сторонами, обретаемый в практическом анализе инсайт часто оказывается болезненным, особенно в тех случаях, когда (как это обычно и бывает) человек прежде не обращал внимания на свою изнаночную сторону. Значит, есть и такие, кто принимает только что обретенный инсайт близко к сердцу, даже чересчур близко, совершенно забывая, что он не единственный обладатель теневой стороны. Они позволяют себе впасть в чрезмерное уныние, и уж тогда готовы сомневаться во всем, нигде не находя истины и справедливости. Вот почему многие отличные аналитики с весьма плодотворными идеями никак не могут убедить себя опубликовать их, потому что эта

душевная проблема, как они ее видят, так подавляюще велика, что им кажется почти невозможным взяться за ее научное решение. И если оптимизм одного человека заставляет его вести себя самонадеянно, то пессимизм другого делает его сверхоза-боченным и легко впадающим в уныние. Таковы формы, которые принимает этот великий конфликт, когда переводится на менее масштабный уровень. Но даже при этих уменьшенных размерах нетрудно разглядеть его существо: самонадеянность одного и малодушие другого объединяет неопределенность обоих в отно-шении своих границ. У первого они чрезмерно расширены, у второго — чрезмерно сужены. Их индивидуальные границы не-которым образом стерты. Если мы теперь примем во внимание, что великое смирение как результат психической компенсации стоит совсем рядом с гордыней и что «падению предшествует надменность» («Pride goeth before a fall »
(англ.).
Вероятно
,
искаженная
цитата
из
Библии
: «Pride goeth before destruction, and an haughty spirit before a fall» (Proverbs, 16:18). [«Погибели предшествует гордость, и падению надмен-ность» (Прит. 16:18).] При переводе, из чисто стилистических соображе-нии, мы также позволили себе исказить оригинальным текст Юнга. заменив в этой цитате слово .«гордость» на «надменность». —
Прим. пер.
), то за высокомерием мы без труда сможем об-наружить определенные признаки беспокоящего чувства непол-ноценности. На деле мы увидим, как сомнения заставляют такого энтузиаста навязчиво расхваливать истины, которым он сам не слишком-то верит, и склонять на свою сторону новообращенных, чтобы его сторонники могли доказать ему ценность и надежность его, же собственных убеждений. Он вовсе не настолько счастлив в своей кладовой знаний, чтобы наслаждаться ими в одиночку; в сущности, из-за этих знаний он чувствует себя изолированным от мира, и тайное опасение остаться с ними наедине заставлет его к месту и не к месту щеголять своими мнениями и толкованиями, потому что только при убеждении кого-то еще он чувствует спасение от грызущих его сомнений.

Совершенно противоположное происходит с нашим унылым другом. Чем больше он замыкается и уходит в себя, тем сильнее становится его скрытая потребность быть понятым и признанным. Хотя он и говорит о своей неполноценности, по-настоящему он в нее не верит. Внутри у него растет непоколебимая уверенность в своих непризнанных другими достоинствах, из-за чего он становится чувствительным к малейшему неодобрению, вечно имея вид человека, которого неправильно понимают и которому не воздают должного. Таким способом он тешит свою болез-ненную гордость и питает оскорбительное недовольство, — что ему самому нужно меньше всего, но за что его

окружению приходится дорого платить.

Оба эти типа слишком «малы» и в то же время слишком «велики»; (Здесь игра слов, в результате которой эта фраза имеет еще один смысл: «Оба этих типа чувствуют себя слишком приниженно и вместе с тем обладают чрезмерным самомнением». — *Прим. пер.*) их характерный «средний размер», который никогда не был особенно устойчивым, теперь оказывается еще менее прочным, чем когда-либо. Попытка охарактеризовать такое со-стояние как «богоподобное» выглядит почти абсурдной. Но по-скольку оба они по-своему выходят за пределы своих человеческих «размеров», в каждом из них есть немного «сверхчеловеческого» и потому, говоря фигурально, богоподобного. Если кто-то хочет избежать употребления этой метафоры, я бы предложил говорить. здесь о «психической инфляции». Этот термин кажется мне подходящим, поскольку обсуждаемое нами состояние представляет собой распространение личности за индивидуальные гра-ницы, другими словами, является состоянием раздутости. В таком состоянии человек занимает место (
to
fill
a
space
), которое обычно не способен занять. Он может занять его, только при-сваивая себе содержания и качества, которые прекрасно суще-ствуют сами по себе и поэтому должны оставаться вне наших границ. То, что лежит вне нас, принадлежит либо кому-то другому, либо всем, либо не принадлежит никому. Так как психическая инфляция отнюдь не является феноменом, вызываемым исклю-чительно анализом, но столь же часто встречается в обычной жизни, мы можем исследовать ее не менее успешно и в других случаях. Широко распространенный случай — совсем не без-обидная манера многих мужчин отождествлять себя со своим делом или своими титулами. Занимаемый мной пост — это, несомненно, моя специфическая деятельность, но вместе с тем и коллективный фактор, исторически возникший благодаря со-трудничеству многих людей, и соответствующий ему титул де-ржится исключительно на коллективном одобрении. Поэтому, когда я идентифицируюсь со своим занятием или титулом, я деду себя так, как если бы был целым комплексом социальных факторов, из которых и состоит моя служба, или как если бы я был не только носителем своего поста, но одновременно и общественным одобрением. Но это значит, что я необычайно расширил себя и узурпировал не свои, внешние по отношению ко мне качества.
L
'
etat
c
'
est
moi (
Государство — это я
(фр-)- — Прим. пер.)

— вот подходящий девиз для таких людей.

В случае инфляции, вызванной знанием, мы имеем дело с чем-то похожим в принципе, хотя психологически и более тон-ким. Здесь инфляция обусловлена не достоинством службы, а весьма значимыми фантазиями. Что под этим понимается, я поясню на примере из врачебной практики, взяв случай душев-нобольного, с которым мне выпало познакомиться лично и который также упомянут в публикации Maeder (A. Maeder, “*Psych ologische UntersKhungen an Deincntia - Praecox - Krankcn », Yalirbiich fiir psychoanatytische imcl psychopalhologische Forscliiiiigen .*
11 (1910), 209 и далее.). Ибо этот случай как раз характерен высокой степенью инфляции. (У душевно-больных мы можем наблюдать в более грубой и увеличенной форме все те феномены, которые лишь мимолетно обнаруживают себя у нормальных людей.) (Когда я еще работал врачом психиатрической больницы в Цюрихе, то однажды провел одного интеллигентного неспециалиста по отделениям. Прежде он никогда не видел психиатрической лечебницы изнутри. Когда мы закончили наш обход, он воскликнул: «Послушайте-ка! Да ведь это Цюрих в миниатюре! Квинтэссенция общества. Как будто все типы
i
людей. которых ежедневно встречаешь на улицах, были собраны здесь в их классической чистоте. Исключительно чудаки н отборные экземпляры из всех слоев общества — от верхушки до низов!» Я никогда раньше не смотрел на это под таким углом зрения, но мой друг был не так уж неправ.)
Больной страдал параноидной деменцией с мегаломанией.
Он говорил по телефону с Богородицей и другими великими мира сего и того. В реальной же жизни этот человек был никудышным подмастерьем слесаря, в 19 лет заболевшим неизлечимой душевной болезнью. Он не был одарен умом, но, между прочим, напал на изумительную идею, будто мир — это его детская книжка с картинками, которую он может листать по своему желанию. Доказательство этого было совсем простым: ему нужно было только повернуться, чтобы взору открылась новая страница.

Это и есть шопенгауэровский «мир как воля и представление» в неприкрашенной, примитивной конкретности видения. Идея на самом деле разрушительная, порожденная крайним отчужде-нием и уединением от мира, но выраженная столь наивно и незатейливо, что поначалу можно лишь посмеяться над ее не-лепостью. И все же этот примитивный образ видения составляет самую суть выдающегося шопенгауэрова видения мира. Только гений или безумец мог бы настолько выпутаться из оков дей-ствительности, чтобы смотреть на мир как на свою книжку с картинками. Сам ли больной развил или построил такое видение мира или оно просто постигло его? А может быть, он впал с него? Его патологический распад и инфляция указывают скорее на последнее. Теперь уже думает и говорит не *он,* а *оно* думает и говорит в нем, ибо он слышит голоса. Таким образом, разница между ним и Шопенгауэром состоит в том, что видение больного остается на стадии чисто спонтанного развития (growth), тогда как Шопенгауэр абстрагировал и выразил то же самое видение на общепринятом языке. Тем самым вырастил его из подземных истоков и вывел на ясный свет общественного сознания. Однако, было бы ошибкой предполагать, что видение больного имело исключительно личный характер или ценность, словно оно при-надлежало только ему. Будь это так, он, вероятно, был бы философом. Человек становится гениальным философом лишь тогда, когда ему удается превратить примитивное и чисто при-родное видение в абстрактную идею, принадлежащую к общему инвентарю сознания. Это достижение, и только оно, составляет его личную величину или ценность, благодаря которой он мог бы заслужить уважение, не впадая при этом в инфляцию. Но видение больного человека есть величина безличная, от естест-венного роста которой он не в силах себя защитить и которая, фактически, поглотила и «унесла» его прочь от этого мира. Правильнее будет сказать, что именно бесспорное величие ви-дения больного раздувает его до патологических размеров, а вовсе не то, что он овладевает этой идеей и развивает ее до философского мировоззрения. Личная величина (ценность) це-ликом заключается в философском достижении, а не в первичном видении. Ведь философу это видение тоже достается как равная доля прибыли, ибо оно составляет просто часть общего имущества человечества, долей которого, в принципе, владеет каждый. Зо-лотые яблоки падают с одного и того же дерева, подбирает ли их слабоумный ученик слесаря или какой-то Шопенгауэр.

Однако, из данного примера можно извлечь еще и другой урок, именно, что трансперсональные содержания — это отнюдь не инертные или мертвые материалы, которыми можно завладеть по желанию. Скорее, они являются реалиями (entities), вызыва-ющими живой интерес и оказывающими притягательное действие на сознательный ум. Идентификация с службой или титулом действительно очень привлекательна, — вот почему так много людей представляют собой один только декорум, предоставленный им обществом. Было бы напрасно искать под этой оболочкой личность. В самом низу, под набивкой, можно отыскать лишь очень мелкое, ограниченное создание. Вот почему служба — или что-то еще, что может быть такой

оболочкой, — так привлека-тельна: она предлагает легкую компенсацию личной маломерности.

Внешняя приманка, как-то: посты, титулы и другие социаль-ные регалии, — не единственная причина инфляции. Ведь они просто безличные величины, относящиеся к наружному слою общества, к коллективному сознанию. Но так же как общество находится пне индивидуума, так пне личной психики находится коллективная психика, именно, коллективное бессознательное, скрывающее в себе, как показывает приведенный выше пример, ничугь не менее привлекательные элементы. И так же как один может внезапно войти в мир на своем профессиональном до-стоинстве *(«Messieurs ,*
a
present
je
suis
Roy
») (
«Господа, сегодня я король»
(фр-)-
—
Прим. пер.),
так другой может столь же внезапно исчезнуть из этого мира, если ему выпадет жребий созерцать один из тех могущественных образов, которые придают миру иной облик. Речь идет о магических
representations
collectives
(
Коллективных представлениях
(фр.}. — Прим. пер.),
лежащих в основе рекламных лозунгов, модных словечек и, на более высоком уровне, поэтического и мистического языка. Мне вспоминается другой душевнобольной, который не был поэтом и вообще ничем особенным не выделялся, разве что являл собой типичный образец тихого и несколько сентиментального юноши. Он влюбился и, как это часто бывает, не мог выяснить у своей избранницы, нужна ли была ей его любовь.. Что касается юноши, то его первобытная
participation
mystique
(
Мистическая сопричастность
(фр.). — Прим. пер.)
приняла на веру, будто его переживания и тревоги были и равной мере переживаниями и тревогами девушки, что на более низких уровнях человеческой психологии — дело весьма обычное. Так он создал сентиментальную любовную фантазию, которая лопнула как мыльный пузырь, когда выяснилось, что та девушка не испытывает к нему никаких

чувств. Это привело его и такое отчаяние, что он прямиком направился к реке, намереваясь утопиться. Стояла ночь, и звезды светили ему из темной воды отраженным светом. Ему показалось, будто звезды парами уп-лывали вниз по реке... Удивительное чувство овладело им тогда; он забыл о намерении покончить с собой и уже не мог оторван, глаз от воды, зачарованный странным, сладостным зрелищем. Постепенно до него дошло, что каждая звезда была лицом и что все эти пары были влюбленными, которые уносились вперед в объятиях грез. И тут к нему пришло совершенно новое по-нимание: все изменилось — его судьба, разочарование и даже любовь потеряли свое значение и отошли на задний план. Воспоминание о девушке отдалилось, стерлось, но взамен он обрел непоколебимую уверенность в том, что ему обещаны не-сметные сокровища. Он уже знал, что в находившейся неподалеку обсерватории для него спрятан бесценный клад. Кончилось тем, что в четыре часа утра он был задержан полицией при попытке вломиться в эту обсерваторию.

Что же произошло? В голове бедного юноши промелькнуло дантевское видение, очарование которого вряд ли оказалось бы ему доступным, прочитай он о нем в поэме. Но он увидел этот образ, и зримый образ преобразил его. То, что больше всего мучило, теперь стало далеким; новый и невообразимый даже в мечтах мир звезд, безмолвно прочерчивающих спои пути вдали от этой печальной земли, открылся перед ним в то мгновение, когда он пересек «порог Прозерпины». Догадка об ожидавшем его сказочном богатстве — а кого не навещала эта мысль? — явилась ему как откровение. Для него, бедной посредственности, это оказалось не по силам. Он утонул не в реке, а в вечном образе, красота которого погибла вместе с ним.

Так же как один может исчезнуть в своей социальной роли, так другой может быть поглощен внутренним видением и, тем самым, потерян для своего окружения. Многие непостижимые изменения личности, подобные внезапным конверсиям и другим влекущим за собой тяжелые последствия душевным сдвигам, происходят от притягательной силы коллективного образа (Leon Daudet в своей книге *«I.'Heredo»* (Paris, 1916) называет этот процесс «autofecorulation interieure» («самооплодотворением внутреннего мира»), подразумевая под этим возобновляющееся пробуждение родовой души.), ко-торый, как показывает данный пример, способен вызывать на-столько сильную инфляцию, что личность распадается полностью. Эта дезинтеграция — психическое заболевание преходящего или постоянного характера, «расщепление души» или «шизофрения», по терминологии Блейлера (Eugen Bleuler,

Dementia Praecox or the Group of Schizophrenias,
впервые опубликовано в 1911 г., пер. на англ.
J. Zinkin (New York, 1950).).
Патологическая инфляция, конечно, опирается на некоторую врожденную слабость личности против автономии содержаний коллективного бессознательного.

Пожалуй, мы окажемся ближе всего к истине, если представим себе сознательную и личную психику опирающейся на широкий фундамент врожденных и универсальных психических диспози-ций, которые сами по себе бессознательны, а отношение личной психики к коллективной — как отношение индивидуума к об-ществу.

Но так же как индивидуум является не только неповторимым и отдельным созданием, но вместе с тем и социальным суще-ством, так и человеческая психика, являясь автономным и пол-ностью индивидуальным феноменом, представляет собой кол-лективное явление. И точно так же как определенные социальные функции или инстинкты противоположны интересам отдельных членов общества, так и человеческая психика проявляет опреде-ленные функции или тенденции, которые в силу своей коллек-тивной природы противоположны индивидуальным потребно-стям. Причина этого кроется в том, что каждый человек рождается уже с высоко дифференцированным мозгом и поэтому обеспечивается широким диапазоном психической деятельности, *кото*рая не связана ни с онтогенетическим созреванием, ни с научением. Однако в той степени, в какой мозг различных людей одинаково дифференцирован, этой психической деятельности обеспечена возможность быть коллективной и универсальной. Это объясняет, например, любопытный факт, что бессознательные процессы самых далеких друг от друга народов и рас обнару-живают совершенно поразительное соответствие, которое прояв-ляется, среди прочего, в экстраординарных, но достоверно уста-новленных аналогиях между формами (и мотивами) автохтонных мифов. Универсальное подобие головного мозга. человека ведет к универсальной возможности однообразного психического функ-ционирования. Это функционирование и есть *коллективная души* (psyche). Поскольку существуют различия, соответствующие расе, роду или даже семье, то в добавление к «всеобщей» коллективной душе, можно также говорить о таких ее разновидностях, как расовая, племенная и семейная душа. Если воспользоваться

вы-ражением Пьера Жане (
Pierre
Janet
,
Les
Nevroses
(
Paris
, 1898).), то коллективная душа заключает в себе
parties
inferieures
(
Низшие части
(фр.). — Прим. пер)
психических функций, то есть те глубоко уко-ренившиеся, почти автоматические части души индивидуума, которые являются врожденными и обнаруживаются повсеместно, а значит, носят безличный или сверхличный характер. Сознание плюс личное бессознательное составляют
parties
superieures
(
Высшие части
(фр-)-
—
Прим. пер.)
пси-хических функций, то есть те части, которые развиваются в онтогенезе и приобретаются с опытом. В результате тот, кто присоединяет к своему богатству, которое досталось ему в ходе своего онтогенетического развития, еще и бессознательное на-следство коллективной души, как если бы оно было частью первого, незаконным образом расширяет сферу своей личности. со всеми вытекающими последствиями. Коль скоро коллективная душа заключает в себе
parties
inferieures
психических функций и. таким образом, образует базис каждой личности, подобное при-соединение наследства коллективной души приводит к дроблению и обесцениванию личности, что проявляется либо в вышеупо-мянутом угасании веры в себя, либо в бессознательном повышении значительности своего Я (
ego
) вплоть до появления патологической воли к власти.

Поднимая личное бессознательное в сознание, анализ застав-ляет субъекта осознавать то, что он обычно замечает в других, но никогда — в самом себе. Это открытие делает его менее индивидуально своеобразным и вместе с тем более коллективным. Подобная коллективизация — не всегда шаг к несчастью; иногда она может оказаться ступенькой

к благу. Есть люди, которые подавляют свои хорошие качества и сознательно дают волю споим инфантильным желаниям. Подъем вытесненных содержа-нии поначалу вносит в сознание чисто личные содержания; но с ними оказываются связанными и коллективные элементы бессознательного, вездесущие инстинкты, качества и идеи (об-разы), а также все те «среднестатистические» доли добродетели и порока, которые мы признаем, говоря: «В каждом есть что-то от преступника, гения и святого». Так возникает динамичная картина, в полной мере содержащая все то, что разыгрывается на мировой шахматной доске: счастье и несчастье, честь и бесчестье. Постепенно создается чувство солидарности с миром, которое многие считают весьма позитивным и, в определенных случаях, оно действительно оказывается решающим фактором п лечении неврозов. Я сам был свидетелем того, как некоторым больным в этом состоянии впервые в жизни удавалось вызвать любовь и даже испытать ее самим; или как, отважившись на прыжок в неизвестное, они встречались с той самой судьбой, которая была им уготована. Немало я повидал и тех, кто, считая это состояние конечным, пребывал в нем годами, охваченный инициативной эйфорией. Мне доводилось часто слышать упо-минание таких случаев в качестве блестящих примеров анали-тической терапии. Однако я должен обратить внимание на то, что больные этого эйфорического и инициативного типа столь остро нуждаются в размежевании с миром, что никто не смог бы признать их в принципе вылеченными. По моему мнению, они настолько же вылечены, насколько не вылечены. У меня была возможность проследить жизненный путь таких пациентов и, нужно признаться, многие из них обнаруживали неумение приспособиться к окружающей обстановке, что, в случае хрони-ческой неприспособленности, постепенно приводит к бесплодию и скуке, столь характерным для тех, кто лишился своего Я (ego). Здесь я опять-таки говорю о пограничных случаях, а не о тех менее ценных, обычных средних людях, для которых вопрос адаптации носит скорее технический, чем проблематический ха-рактер. Будь я больше врачом, чем исследователем, то, конечно, не смог бы удержаться от известного оптимизма с суждениях. потому что тогда мой взор был бы прикован к количеству исцелений. Но моя совесть исследователя обеспокоена не коли-чеством, а качеством. Природа аристократична, и один стоящий человек перевешивает десяток других, менее ценных. Я внима-тельно присматривался к ценным людям, и именно на них открыл для себя сомнительность результатов чисто личного ана-лиза, а также научился понимать причины этой сомнительности.

Если из-за ассимиляции бессознательного мы ошибочно вклю-чаем коллективную психику в инвентарь личных психических функций, то неизбежно наступает распад личности на объеди-ненные в пары противоположности. Помимо уже рассмотренной пары противоположностей, а именно, мании величия и чувства неполноценности, столь докучающе очевидных при неврозах, есть множество других пар, из которых я выберу лишь сугубо мо-ральную пару противоположностей, то есть добро и зло. Видовые добродетели и пороки человечества содержатся в коллективной душе, как и все прочее. Один без всякого основания приписывает себе коллективную добродетель в качестве личного достоинства, а другой принимает коллективный порок как свой собственный грех. То и другое так же иллюзорно, как мегаломания и непол-ноценность, поскольку

воображаемые добродетели и воображае-мые пороки суть просто содержащиеся в коллективной душе моральные пары противоположностей, которые сделались вос-принимаемыми или были искусственно доведены до сознания. Как много этих парных противоположностей содержит в себе коллективная душа, можно показать на примере примитивных народов: один наблюдатель обыкновенно превозносит их вели-чайшие добродетели, тогда как другой выносит наихудшие впе-чатления о том же самом племени. В отношении дикаря, чья индивидуализация (personal differentation), как известно, находится в самом начале пути, верны оба суждения, ибо его психика по существу коллективна и, следовательно, большей частью бессоз-нательна. Дикарь еще более или менее тождествен коллективной душе и потому в равной мере обладает коллективными добро-детелями и пороками, не приписывая их себе лично и не испытывая никакого внутреннего противоречия. Противоречие возникает лишь тогда, когда начинается личное развитие соб-ственной души и когда рассудок открывает непримиримый характер противоположностей. Последствием этого открытия яв-ляется конфликт вытеснения (
the
conflict
of
repression
). Мы хотим быть добрыми и потому должны вытеснить зло; вместе с этим приходит конец раю коллективной души. Вытеснение коллектив-ной души было совершенно необходимо для развития личности. у примитивных народов развитие личности или, точнее, развитие особы (
the
person
) есть вопрос магического престижа. Фигура шамана или вождя племени служит живым примером остальным: оба обращают на себя внимание своеобразием нарядов и образа жизни, выражающим их социальные роли. Своеобразие внешних опознавательных признаков индивидуума выделяет его среди остальных, и это выделение еще больше усиливается благодаря владению особыми ритуальными секретами. С помощью этих и подобных им средств дикарь создает вокруг себя оболочку, которую можно было бы назвать персоной (
a
persona
) [маской]. Как известно, маски действительно используются дикарями в тотемных обрядах, например, в качестве средств усиления или изменения личности. Таким способом этот выделяющийся среди остальных индивидуум, вероятно, выводится из сферы коллек-тивной психики, причем в той степени, в какой ему удается идентифицироваться со своей персоной. Это отдаление и означает собой магический престиж. Вероятно, легче всего утверждать, будто движущим мотивом в этом развитии выступает воля к власти. Однако, нельзя забывать, что создание престижа — это всегда результат коллективного компромисса: помимо того, что должен найтись соискатель престижа, общество тоже должно находиться в состоянии поиска того, кому даровать престиж. Раз это так, было бы неверно говорить, что некто добивается престижа благодаря своей особой воле к власти; напротив, со-здание престижа — дело сугубо коллективное. Поскольку обще-ство как целое нуждается в магически

действующей фигуре, оно использует эту нереализованность воли к власти у индивидуума и желание подчиняться у масс как связующее средство и, таким образом, вызывает создание личного престижа. Этот последний представляет собой феномен, который, как показывает история политических институтов, имеет огромное значение для взаим-ного признания законов и обычаев разными нациями.

Важность личного престижа едва ли можно переоценить, по-скольку возможность регрессивного растворения в коллективной Душе представляет реальную опасность, причем не только для лидера, но и для идущих за ним. Такая возможность, по всей вероятности, появляется в тех случаях, когда цель престижа — всеобщее признание — достигнута. Конкретное лицо (the person) становится тогда коллективной истиной, а это всегда есть начало конца. Завоевание престижа является позитивным достижением не только для выдвинувшегося индивидуума, но и для его клана. Единственный выделяется своими деяниями, большинство же характеризуется своим отречением от власти. До тех пор, пока эту позицию нужно отстаивать и защищать от враждебных вли-яний, достижение остается позитивным; но как только все пре-пятствия преодолены и всеобщее признание достигнуто, престиж теряет свою позитивную ценность и обычно становится «пустым местом» — чем-то таким, что не применяется, но и не отменяется. Затем наступает раскол, и весь процесс начинается заново.

Поскольку личность имеет такое первостепенное значение для жизни общины, то все, что могло бы нарушить ее развитие, ощущается как опасность. Но самая большая опасность из всех существующих — это преждевременное разрушение престижа от вторжения коллективной души. Безусловное сохранение тайны представляет собой одно из самых известных примитивных средств изгнания этой опасности. Коллективное мышление и чувствование, равно как и коллективное усилие, требуют гораздо меньше напряжения, чем индивидуальное функционирование и усилие; поэтому всегда существует огромное искушение позволить коллективному функционированию занять место ннди видуального выделения личности (individual differentation of personality).

После того как личность выделена и защищена магическим престижем, ее «выравнивание» до уровня коллективной психики и, в конечном счете, растворение в коллективной душе (к примеру, отречение св. апостола Петра) вызывает «потерю души» инди-видуумом, потому что какое-то важное личное достижение либо; не получило признания, либо было сведено на нет. По этой причине к нарушителям табу применяются драконовские меры, вполне согласующиеся с серьезностью ситуации. До тех пор, пока эти вещи рассматриваются с позиции каузального подхода, просто как исторические пережитки и метастазы табу инцеста (Sigmund Freud, *Totem and Taboo,* translated by .1. Strachey
(

Lornlon
. 1950).), невозможно понять, ради чего существуют все эти меры. Но если подойти к этой проблеме с телеологической точки зрения, многое из того, что прежде не поддавалось объяснению, стано-вится вполне понятным.

Итак, для развития личности совершенно необходимо строгое выделение себя (differenta tion) из коллективной души, так как неполная или нечеткая дифференциация ведет к незамедлитель-ному таянию индивидуального в коллективном. И тогда появ-ляется опасность, что при анализе бессознательного коллективная и личная душа могут образовать неразделимый сплав, как я уже мельком упоминал, с весьма неблагоприятными последст-виями. Эти последствия вредны как для жизнеощущения паци-ента, так и для его близких, если он вообще имеет какое-то влияние на свое окружение. Из-за своей идентификации с кол-лективной душой он неизбежно будет пытаться навязать требо-вания своего бессознательного другим, ибо идентичность с кол-лективной душой всегда приносит с собой чувство общезначи-мости (
universal
validity
) — «богоподобия», — совершенно игнорирующего все различия личной души своих близких. (Чув-ство общезначимости ведет свое происхождение конечно же от всеобщности коллективной души.) Коллективная установка есте-ственно предполагает ту же коллективную психику у других. Однако, это означает бесцеремонное пренебрежение не только индивидуальными различиями, но и различиями более общего характера внутри самой коллективной души, например, расовы-ми (Так, совершенно непростительной ошибкой было бы признавать выводы еврейской психологии валидными во всех случаях жизни. Никому ч в голову не придет считать китайскую или индийскую психологию обязательной для нас. Дешевое обвинение в антисемитизме, которое было брошено мне из-за этой критики, не более разумно, чем обвинение меня в антикитайских настроениях. Несомненно, на более раннем и глубоком Уровне психического развития, где еще нельзя отыскать различие между арийской, семитской, хамитской или монгольской ментальностью, все человеческие расы имеют общую коллективную душу (
psyche
). Но с началом расовой дифференциации существенные различия (повиваются также н в коллективной душе. По этой причине мы не можем пересадить дух
чуждой нам расы
in
globo
в нашу собственную ментальность, не нанося ощутимого ущерба последней, что, однако, не удерживает натур со слабым инстинктом от увлечения индийской философией н т. п.). Это игнорирование индивидуальности явно подразумевает удушение того самого единственного индивидуума, в результате чего элемент дифференциации в общине стирается. Этот элемент дифференциации суть индивидуум. Все величайшие достижения добродетели, равно как и самые страшные злодеяния, индивидуальны. Чем

крупнее община и чем больше свойственная каждому крупному сообществу сумма коллективных факторов опи-рается на консервативные предрассудки, вредные для индивиду-альности, тем больше будет подавляться — морально и духовно — индивидуум, и, в результате, единственный источник морального и духовного прогресса общества зарастает тиной коллективности. Как и следовало ожидать, единственным, что может буйно расти в такой атмосфере, оказывается общественный инстинкт (sociality) и все, что относится к коллективному в индивидууме. Все ин-дивидуальное в нем гибнет, то есть обрекается на вытеснение. Индивидуальные элементы опускаются в бессознательное, где по закону необходимости превращаются в нечто по существу злое, разрушительное и анархическое. В обществе это злое начало обнаруживает себя в эффектных преступлениях (цареубийство и т. п.), совершаемых некоторыми профетически настроенными индивидуумами; но у большей части народных масс оно остается в тени и проявляется лишь косвенно, в неумолимом нравственном вырождении общества. Увы, хорошо известно, что моральное состояние общества как целого обратно пропорционально его величине, ибо чем больше скапливается людей, тем больше стираются индивидуальные факторы, а с ними уничтожается и нравственность, которая всецело держится на моральном чувстве индивидуума и необходимой для проявления этого чувства сво-боде. Отсюда, каждый человек становится, не отдавая себе d этом отчета, в определенном смысле хуже, когда он находится в обществе, нежели когда он действует в одиночку; ибо он чувствует поддержку общества и до известной степени освобож-дается им от индивидуальной ответственности. Любая большая компания, составленная целиком из замечательных людей, имеет мораль и интеллект неуклюжего, тупого и свирепого животного. Чем больше организация, тем неизбежнее ее ждет безнравствен-ность и безрассудство *(Senatus bestia , senatores boni* vivi (Сенат — чудовище, сенаторы — достойные мужи *(лат.). — Прим. пер.*)). Обще-ство, автоматически подчеркивая коллективные качества своих отдельных представителей, поощряет посредственность, все то, что позволяет вести легкий и безответственный образ жизни.

Индивидуальность неизбежно окажется припертой к стене. Этот процесс начинается еще в школе, продолжается в университете и господствует во всех ведомствах, подвластных государству. Чем меньше социальная организация, тем в большей степени ее членам гарантирована индивидуальность, тем больше степень их относительной свободы и возможность осознанной ответствен-ности. Без свободы не может быть

морали. Наше восхищение огромными организациями уменьшается, когда однажды нам доводится осознать оборотную сторону этого чуда: чудовищное накопление и выпячивание в человеке всего самого примитивного и неизбежное разрушение его индивидуальности в интересах того чудовища, каковым, фактически, является всякая большая организация. Современный человек, более или менее соответст-вующий такому коллективному идеалу, превратил свою душу в притон убийц, в чем легко можно убедиться с помощью анализа его бессознательного, даже если он сам ничуть не обеспокоен этим. И поскольку он обычно «адаптирован» к своему окру-жению, то даже самое постыдное поведение со стороны той группы, в которую он входит, не будет его беспокоить до тех пор, пока большинство его собратьев верит в восхваляемую нравственность своей социальной организации. Итак, все, что я сказал здесь о влиянии общества на индивидуума, совершенно справедливо в отношении влияния коллективного бессознатель-ного на психику индивидуума. Но, как ясно видно из моих примеров, это последнее влияние настолько же незаметно, на-сколько заметно первое. Отсюда не удивительно, что его внут-ренних последствий не понимают, а тех, с кем такое случается, считают патологическими чудаками и относятся к ним, как к сумасшедшим. Если бы одному из таких «курьезов природы» довелось оказаться подлинным гением, то обычно это признается лишь вторым или даже третьим поколением. Насколько понят-ным кажется нам тот случай, когда человек утопает в своем высоком положении, настолько же непостижимой для нас вы-глядит ситуация, когда он стремится к чему-то, что не совпадает с желаниями толпы, и когда он навсегда исчезает в этом «никому» не нужном ином. Остается лишь пожелать обоим чувства юмора, этого, как говорил Шопенгауэр, поистине «божественного» каче-ства человека, которое только и способно сохранить его душу свободной.

Коллективные инстинкты и основные формы мышления и чувствования, чья активность обнаруживается благодаря анализу бессознательного, являются для сознательной личности приоб-ретением, которое она не может ассимилировать без серьезного расстройства. Поэтому в практической терапии крайне важно всегда помнить о целостности (integrity) личности. Ибо, если коллективную психику полагать личной собственностью инди-видуума, это будет иметь результатом искривление (distortion) или перегрузку (overloading) личности, справиться с которыми чрезвычайно трудно. Исходя из этого, необходимо проводить четкое различие между личными содержаниями и содержаниями коллективной души. Сделать это отнюдь не легко, потому что личная [душа] вырастает из коллективной души и тесно связана с ней. Поэтому трудно сказать, какие именно содержания можно назвать личными, а какие — коллективными. Несомненно, что те архаические символы, например, какие мы часто встречаем в фантазиях и сновидениях, являются коллективными момен-тами. Все основные инстинкты и основные формы мышления и чувствования коллективны. Все, что люди единодушно считают универсальным, — коллективно, равно как и все то, что всеми одинаково понимается, распознается, говорится и делается. При более близком исследовании всегда

удивляешься, как много в нашей так называемой индивидуальной психологии подлинно коллективного. Действительно, его так много, что индивидуальные черты полностью затеняются коллективными. Поскольку, однако, индивидуация («Индивидуация есть процесс дифференциации, имеющий своей целью развитие своеобразной личности у индивидуума». «...Так как индивидуум есть не только единичное существо, но и всем своим существованием предполагает коллективные отношения, то процесс индивидуации ведет не к изоляции, а к более сильной и широкой коллективной сплоченности».) — это непреложная психологическая потреб-ность, можно, исходя из доминирующего влияния коллективного, представить себе, какое особое внимание нужно уделять этому хрупкому саженцу «индивидуальности», если мы не хотим загу-бить его.

У людей есть одна способность, которая, хотя и представляет величайшую полезность для коллективных целей, для индивидуации оказывается самой пагубной. Я имею в виду способность подражания. Коллективная психология не может обойтись без подражания, ибо без него попросту невозможны ни массовые организации, ни государство, ни даже общественный порядок. На самом деле, общество в гораздо меньшей степени организуется законом, чем склонностью к подражанию, в равной степени подразумевающей внушаемость, внушение и психическое зара-жение. Но мы видим каждый день, как люди пользуются, а вернее, злоупотребляют механизмом подражания в целях личной дифференциации: они довольствуются подражанием какой-то зна-менитости, разительной черте характера или образу поведения, добиваясь этим внешнего отличия от круга лиц, в котором они вращаются. Едва ли нужно говорить, что в качестве наказания за это обезьяноподобное поведение единообразие их внутреннего мира (minds) с таковым у ближайшего окружения, и без того достаточно ощутимое, перерастает в бессознательную, компульсивную зависимость от окружающих. Как правило, эти показные потуги индивидуальной дифференциации заканчиваются той или иной позой, и подражатель остается на том же уровне, на котором всегда находился, только еще более бесплодным, чем раньше. Чтобы раскрыть, что в нас есть собственно индивиду-ального, требуется глубокая рефлексия, и тут до нас внезапно доходит, как необычайно трудно дается открытие индивидуаль-ности.